

Две поясные накладки из погребений населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: символизм и сакрализация деструкции

Н. Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению двух поясных накладок, происходящих из погребения два кургана восемь могильника Масляха-1, публикуется впервые, и могилы один кургана 15 некрополя Новотроицкое-1. Предлагаются гипотетические реконструкции обоих сохранившихся фрагментарно накладок, и их декора. На основе изучения топографического контекста обнаружения находок, и отсутствия их дополнительных элементов в исследованных комплексах автор приходит к выводу о возможном преднамеренном, ритуальном повреждении данных вещей. Анализ топографии предметного комплекса одежды в погребениях большереченской культурно-исторической общности предоставляет определенные свидетельства преднамеренного расстёгивания пояса на погребенном, что отражает форму обращения с вещью во время обряда перехода, которую можно определить как символическую или функциональную деструкцию. Отмеченное явление может быть рассмотрено с позиции изучения форм ситуационной сакрализации предметного комплекса одежды. Деструктивные манипуляции, производимые с поясом и его фурнитурой, имеют широкие семантические коннотации, и фиксируются как на археологических, так и на этнографических материалах. Символизм деструкции может быть рассмотрен с точки зрения отмеченной этнографами гипотезы «перевернутого мира», согласно которой, сломанная вещь, по аналогии с умершим человеком, получает новую жизнь в ином мире.

Ключевые слова

Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, предметный комплекс одежды, поясные накладки, ситуационная сакрализация.

Для цитирования

Головченко Н. Н. Две поясные накладки из погребений населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа: символизм и сакрализация деструкции // *Universum Humanitarium*. 2020. № 2. С. 18–35

DOI

Two Belt Overlays from the Burials of the Upper Ob Region Population of the Early Iron Age: Symbolism and Sacralization of Destruction

N. N. Golovchenko

*Altai state pedagogical University
Barnaul, Russia*

Abstract

The article is devoted to the consideration of two belt overlays originating from the burial two mounds eight of the Maslyakha-1 burial ground, published for the first time, and the graves one of the 15 mound of the Novotroitskoe-1 necropolis. Offered a hypothetical reconstruction of both the surviving fragments of the plates and their decoration. Based on the study of the topographical context of the discovery of finds, and the absence of their additional elements in the studied complexes, the author comes to the conclusion about the possible deliberate, ritual damage to these things. The analysis of the topography of the subject clothing in burials Bolsherechenskaya cultural-historical community provides some evidence of the deliberate undoing the belt of the deceased that reflects the shape of the treatment thing during a rite of passage, which can be defined as symbolic or functional degradation. This phenomenon can be considered from the point of view of studying the forms of situational sacralization of the subject complex of clothing. Destructive manipulations made with the belt and its accessories have broad semantic connotations, and are fixed on both archaeological and ethnographic materials. The symbolism of destruction can be considered from the point of view of the «inverted world» hypothesis noted by ethnographers, according to which a broken thing, by analogy with a dead person, gets a new life in another world.

Keywords

Upper Ob region, Early Iron Age, subject complex of clothing, waist pads, situational sacralization.

For citation

*Golovchenko N. N. Two Belt Overlays from the Burials of the Upper Ob Region Population of the Early Iron Age: Symbolism and Sacralization of Destruction. Universum Humanitarium. 2020. No 2. P. 18–35
DOI*

Костяные и металлические накладки на пояса широко представлены в материалах погребальных памятников юга Западной Сибири. Проблемы их систематизации и интерпретации рассматривались в массе опубликованных работ [Боброва, Яковлев, 1994. С. 61–89; Троицкая, 1996. С. 154–162; Азбелев, 2009. С. 29–49; Варфоломеев, 2011. С. 315–325; Воробьева, 2010. С. 56–63; Добжанский, 1990; Дэвлет, 1980; Килуновская, Фролов, 2020. С. 126–139; Шульга, 2008]. Однако, неко-

торые вопросы символического обращения с ними все еще остаются перспективными для исследования. Выявлению практик подобных манипуляций с вещами, обнаруженными в погребальных памятниках большебереченской культурно-исторической общности Верхнего Приобья эпохи раннего железа, посвящена настоящая работа.

Материалы

Всего нам известно 64 поясные накладки, происходящие с территории Верхнего Приобья и датируемые эпохой раннего железа, часть из них (18) сохранилась фрагментарно. В качестве показательного примера остановимся на двух находках такого рода.

Первая фрагментированная поясная накладка была обнаружена в ходе работ Крутихинской археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического института 1982 года под руководством А. П. Уманского в нетронутom втором погребении кургана восемь могильника Масляха-1 в районе тазовых костей скелета взрослого мужчины.

Размеры находки составляют 2 x 11,5 см, ее отличительной чертой является наличие «веревочного» орнамента по кромке изделия и несколько отверстий, использовавшихся для фиксации накладки на ремне (рис. 1). Примечательно, что данная вещь оказалась единственным элементом поясной фурнитуры, выявленным в захоронении.

Материалы полевых исследований Масляхинских некрополей довольно полно опубликованы [Могильников, Уманский, 1982. С. 69–93; Уманский, Телегин, 1990. С. 96–99; Рыкун, 1997. С. 75–82], однако результаты работ на кургане восемь в доступных изданиях почему-то не отражены.

Первоначально, в полевом дневнике, хранящимся в архиве сектора археологии УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета, находка была атрибутирована А. П. Уманским, как «костяной предмет с иззубренным краем». Позже, при описании коллекции Историко-краеведческого музея АЛТГПУ, экспонат был определен как накладка.

Здесь необходимо признать, что термин «накладка», применительно к данному изделию применим несколько условно. Вполне вероятно, характеризуемый элемент поясной фурнитуры некогда исполнял роль ременной пряжки. Однако, в таком случае придется допустить, что в погребение не была помещена не только оставшаяся часть, име-

ющейся пряжки, но и ее визави, пропущенными шнурками между которыми должен был фиксироваться поясной набор (рис. 1).

Отсутствие других изображений на накладке заставляет предполагать, что окантовочный узор был распространен, как минимум, на трех ее гранях из четырех. Подобный способ оформления экстерьера поясных накладок имеет некоторые условные параллели в искусстве скифо-сибирского мира, однако, там он, как правило, охватывает все границы изделия [Кубарев, 1987. Табл. XVI; Кубарев, 1991. Табл. XXVII; Молодин и др., 2003. Рис. 55; Чугунов и др., 2017. Табл. 144]. Вместе с тем, определенные аналогии отмеченному декоративному приему известны и в позднебронзовых материалах Верхнего Приобья, что, возможно, указывает на его традиционность для населения региона (схожий по стилистике «гребенчатый», «веревочный» декор известен как на поделках из бронзы, кости и рога [Матвеев, 1993. Табл. 18, 5], так и на керамике [Членова, 1994. Рис. 39]). Отсутствие окантовки на одной из сторон изделия придает ей несколько незавершенный вид, что может быть объяснено как преднамеренным умыслом, продиктованным соображениями культового характера, так и частным случаем осмысления и воспроизведения известного декора мастером изготовителем.

Вторая фрагментированная поясная накладка происходит из могилы один кургана 15 некрополя Новотроицкое-1, и будучи включенная в состав широко известного поясного набора и сохранившаяся на конгломерате тканей уже неоднократно публиковалась в печати [Могильников, Уманский, 1997. С. 119–124; Могильников, Уманский, 1999. С. 91–110; Шульга и др., 2009. С. 38–40; Головченко, 2017. С. 55–61; Лихачева, 2020. Рис. 90]. При этом, несмотря на широкое внимание к данному комплексу, именно эта накладка в рисунках к публикациям была представлена по-разному, вероятно, в силу того, что ей, как относительно непрезентабельной вещи, особого внимания исследователями не отводилось (рис. 2).

Выявлена накладка на тазовых костях скелета взрослого мужчины, и атрибутируется как украшение стрелкового пояса. «S-видный» узор, часть которого изображена на фрагменте изделия, имеет массу аналогии в материалах Большого Новоселовского, Большого Полтаковского курганов, курганах Аржан-2, Пазырык, могильника Даган-Тэли-1 и может быть гипотетически реконструирован, исходя из предполагаемой ширины ремня в 3–4 см (рис. 2) [Руденко, 1953. Табл. CXIX; Грач, 1980. Рис. 62, 1; Курочкин, 1992. Рис. 22; Чугунов и др., 2017. Табл. 49, 79]. Мотив S-видного сюжета, сохранявшийся в искусстве южно-сибирских кочевников на протяжении тысяче-

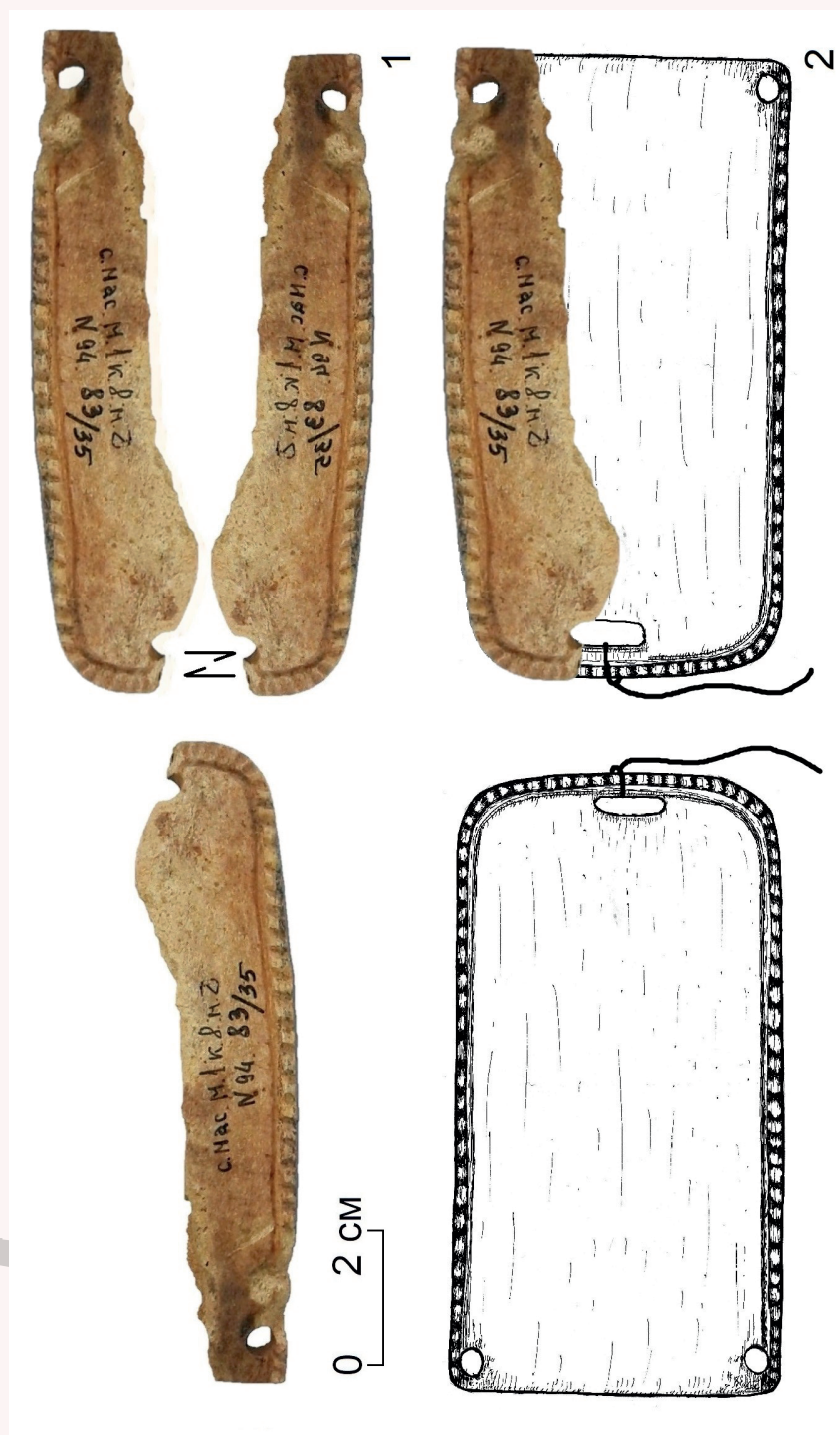

Рис. 1. Фрагмент поясной накладки из могилы 2 кургана 8 могильника Масляха-1: 1 – фото современного состояния предмета (фото Н.Н. Головченко); 2 – реконструкция накладки и способа ее использования.

Fig. 1. Fragment of a belt lining from grave 2 of the barrow 8 of the burial ground Maslyakha-1: 1 – photo of the current state of the item (photo by N.N. Golovchenko); 2 – reconstruction of the lining and how it is used

Рис. 2. Фрагмент поясной накладки из могилы 1 кургана 15 могильника Новотроицкое-1: 1 – прорисовка орнамента по современному состоянию предмета; 2 – прорисовка орнамента наклочки по изданию П. И. Шульга, А. П. Уманского и В. А. Могильникова [Шульга и др., 2009, Рис. 116, 4]; 3 – гипотетическая реконструкция орнамента.

Fig. 2. Fragment of a belt lining from grave 1 of the barrow 15 of the burial ground Novotroitskoe-1: 1 – drawing of the ornament according to the current state of the object; 2 – drawing of the ornament of the lining according to the publication of P.I. Shulga, A.P. Umansky and V.A. Mogilnikov [Shulga et al., 2009, Fig. 116, 4]; 3 – hypothetical reconstruction of the ornament.

тия, интерпретируется исследователями как сильно схематизированное изображение «гибкого, готового к прыжку и движению тела животного» [Савинов, 1984. С. 135–137]. Наличие на одном орнаментальном поле нескольких S-видных компонентов, вероятно, могло пониматься как стилизация известной в скифо-сибирском искусстве сцены борьбы («терзания»). Впрочем, сочетание различных плавно изгибающихся и разнонаправленных линий могло само по себе отвечать каким-то эстетическим представлениям населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. В данном отношении описанную нами находку можно сопоставить с поясными блоком и пряжкой из кургана 19 могильника Новый Шарап-1 [Троицкая, Бородовский, 1994. Табл. XIX, 7–8] и рядом других предметов металлопластики из синхронных памятников центрально-азиатского региона [Кубарев, 1987. Табл. LX, LXXV; Кубарев, 1991. Табл. LI; Матющенко, Татаурова, 1997. Рис. 20, 27; Полосьмак, 1987. Рис. 59, 5; Троицкая, Бородовский, 1994. Рис. 19, 4; Фролов, 2008. Рис. 118, 4; Шульга, 2003. Рис. 58; Шульга, 2008. Рис. 60, III].

Рассмотренные находки значительно отличаются друг от друга, они выявлены в относительно синхронных памятниках на разных берегах Оби, изготовлены из различных материалов и несут на себе не схожий орнамент. Накладка из могильника Масляха-1 может быть отнесена к изделиям, изготовленным на территории Верхнего Приобья, в то время как новотроицкая, скорее всего, привозная. Выбор для специального рассмотрения именно этих двух находок определен рядом соображений контекстуального характера. Во-первых, обе они происходят из неразграбленных подкурганных мужских захоронений большереченской культурно-исторической общности. Во-вторых, обе накладки представлены одним фрагментом, остальные их составляющие в погребениях отсутствовали. Данные обстоятельства наводят на мысль о целенаправленном повреждении предметов, в момент, предшествующий их помещению в погребальные комплексы или же о сознательном использовании в качестве сопроводительного инвентаря вышедших из эксплуатации и недоделанных изделий. Символическая поломка – является одним из распространенных приемов ритуального обращения с вещами в процессе их событийной сакрализации в рамках отправления погребального обряда.

Интерпретация

Анализ топографии предметного комплекса одежды в погребениях большереченской культурно-исторической общности предо-

ставляет определенные свидетельства преднамеренного расстёгивания пояса на погребенном [Головченко, 2017. С. 55–61; Головченко, 2018. С. 61–68; Головченко, 2019. С. 21], что отражает форму обращения с вещью во время обряда перехода, которую можно определить как символическую или функциональную деструкцию. В. А. Могильников анализируя большебереченские материалы писал: «не исключено, что в погребения клали, как правило, пояса со снятыми пряжками в соответствии с канонами погребального ритуала». Также исследователь обращал внимание на то, что явление положения поясов в могилы без пряжек или части поясов без пряжек на Саяно-Алтае сохранялось до эпохи средневековья [Могильников, 1997. С. 71]. Подобные случаи намеренного искажения убора отмечались в специальной литературе при изучении погребальных памятников и ранее [Гмыря, 2015. С. 194–229]. Однако, наиболее представительные сообщения об обрядовой стороне рассматриваемого явления дает этнография народов Сибири и сопредельных территорий, о чем красноречиво свидетельствуют материалы издания «Украшения народов Сибири» Музея археологии и этнографии РАН. В частности, достаточно указать на специальную обобщающую статью Н. В. Ермоловой по поясам народов Северной Сибири и Дальнего Востока [Ермолова, 2006. С. 170–302].

О деструкции поясного набора и поясной одежды в погребальной обрядности хакасов сообщает В. А. Бурнаков [Бурнаков, 2009. С. 130], а селькупов – А. И. Боброва и Я. А. Яковлев [Боброва, Яковлев, 1994. С. 75–76]. Ряд деструктивных форм обращения с костюмом погребенного у сибирских шаманистов отмечает Е. С. Новик (обряжение в специальную одежду, нанесение на нее разрезом, срезание волос, переворачивание бляшек, противопоставление левого-правого и др. [Новик, 2004. С. 176]). При этом автор отмечает, что ремень и пояс являются традиционными и семантически насыщенными вещами. Ремень используется в качестве орудия для гадания [Новик, 2004. С. 87], а снятие пояса является одним из функциональных этапов некоторых праздничных игр [Новик, 2004. С. 212]. В определенных случаях ремень может считаться посредником между миром живых и миром духов, он же может является духом-помощником шамана [Новик, 2004. С. 134, 142].

Л. П. Потапов указывает на то, что для тувинцев традиционно ношение двух поясов, украшенных металлическими пряжками, бляшками-накладками и бусинами [Потапов, 1969. С. 215–216]. При этом фиксируется несколько типов женского пояса – веревочный и ленточный, но украшался металлическими пряжками пояс только у за-

мужних особ и у мужчин. Применительно к погребальной обрядности автор указывает, что пояс подкладывали под голову умершего (т.е. выводили из стандартного функционального состояния) [Потопов, 1969. С. 377].

Показательны сведения нганасанского шамана Дюхадие, сообщенные А. А. Поповым, согласно которым ремень может осмысляться как нить-дыхания, спускающаяся с верхнего мира к человеку и связывающая его с создателем мира [Попов, 1976. С. 32].

Известна семантическая близость погребального и свадебного обряда. В этом отношении любопытно описание якутской свадьбы, во время которой при вхождении в дом мужа на невесте развязывался пояс, приведенное И. А. Худяковым [Худяков, 1969. С. 166–174].

Особое отношение к поясам в рамках похоронно-поминальной обрядности отмечается и у финно-угорских народов Урало-Поволжья. В частности, Г. А. Корнишина сообщает о специфическом, способе подвязывания пояса, с правой стороны, а не с левой как это делают живые [Корнишина, 2017. С. 157–162].

Семантическая сторона помещения в погребальные комплексы преднамеренно сломанных (выведенных из функционального состояния) вещей в широкой перспективе на материалах этнографии приведена в работе А. Ш. Бодровой [Бодрова, 2009. С. 33–39].

В конечном счете, все многообразие деструктивных манипуляций, производимых с поясами, и их структурными элементами, вероятно, обусловлено верой в перевернутость иного мира. Возможно, люди верили, что в потустороннем мире жизнь устроена наоборот, разломанная вещь приобретает целостность.

Обсуждение

Ключевым аспектом изучения деструктивных манипуляций, осуществляемых с поясными наборами, мне представляется необходимость рассмотрения данного явления во всем его многообразии, достигающем до учета контекста индивидуальных находок в конкретных погребениях. В данном предположении я исхожу из того, что сакральная сфера, как правило, консервативней профанической, а внутреннее разнообразие – необходимое условие существования культуры.

Широко известна идея о том, что в культовых практиках массовые вещи обесцениваются, а единичные получают особое сакральное значение. В данном ключе качественное содержание приобретают не только описанные выше накладки, но и другие находки, имеющие

отношение к поясному набору и отражающие акты преднамеренной деструкции.

В свое время В.А. Могильников предположил, что пояса из кургана 19 Нового Шарапа-1 и погребения пять кургана 15 Камня-2 были армированы подпрямоугольными железными бляхами шириной 7–8 см [Могильников, Куйбышев, 1982. С. 117; Могильников, 1997. С. 72] и могут относиться к категории бронированных воинских ремней, бляшки которых играли не только роль своеобразного доспеха, но и служили специфическим элементом декора.

Аналогичные пластины были обнаружены в захоронениях могильников Казенная Заимка-1, Масляха-1, Ближние Елбаны-3, Ближние Елбаны-12, Фирсово-14, Бийск-1, Енисейское-4 [Лихачева, 2020. С. 204–205]. По мнению, В.Д. Кубарева, часть деревянных поясных пластин из пазырыкских курганов Уландрыка имитировала металлические пластины, а изображения «катафрактариев» есть на петроглифах Алтая [Кубарев, 1987. С. 78–79]. Вышеупомянутые изделия, происходящие из большереченских погребений, имеют достаточно плохую сохранность, обусловленную как процессами естественной коррозии, так, возможно, и действиями ритуального характера.

В недавно вышедшей книге «Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.)» О. С. Лихачева поставила под сомнение возможность использования отдельных «защитных/панцирных» пластин в качестве элемента декора наборных поясов. В общем виде аргументация исследовательницы сводится к тому, что среди имеющихся находок «достаточно хорошо прослеживаются отдельные пластины, соединенные ламellarным способом бронирования» [Лихачева, 2020. С. 131]. Мне представляется, что сам по себе факт установления такого способа соединения пластин на поясе не отрицает их декоративного характера. Важно, что в погребальный комплекс был помещен не полноценный доспех, который реконструирует по нескольким имеющимся пластинам О. С. Лихачева [Лихачева, 2020. Рис. 84, 86, 91, 97, 100, 103], а его отдельные компоненты (выведенные из изначального функционального состояния, и лишь условно, в соответствии с принципом *pars pro toto*, намекающие на отношение к некой первоначальной своей целостности). Из материалов погребений точно не ясно, были ли эти пластины закреплены на поясах, возможно, в погребения помещались фрагменты доспеха. Допуская закрепление панцирных пластин на поясном наборе надо учитывать факт их повторного использования, которое также может быть рассмотрено с позиции изучения ситуационной сакрализации. К сожалению, вопросы, связанные с об-

рядовой стороной помещения в погребения вооружения, в том числе votивного и сломанного [Лихачева, 2020. С. 66], остались О. С. Лихачевой не рассмотренными.

Заключение

Подводя итог, отметим, что поясные накладки из могильников Масляха-1 и Новотроицкое-1 могут быть рассмотрены с позиции изучения явлений событийной сакрализации. Сакрализация деструктурированных вещей подтверждается разнообразностью ее форм – изъятием одной из парных или всех поясных пряжек, помещением в погребальные комплексы недоделанных или сломанных изделий, их фрагментов или votивов. При этом весь набор данных манипуляций проявляется не только применительно к предметному комплексу одежды, но и вооружению. Обе эти категории сопроводительного инвентаря населения большереченской культурно-исторической общности включают в себя вещи местного производства, адаптационные экземпляры и объекты транскультурного комплекса.

Символизм деструкции может быть рассмотрен с точки зрения отмеченной этнографами гипотезы «перевернутого мира», согласно которой, сломанная вещь, по аналогии с умершим человеком, получает новую жизнь в ином мире. С другой стороны, семантика деструкции может отражать некоторые элементы охранительной магии – сломанное оружие, чтобы покойник не мог навредить, сломанная поясная пряжка, чтобы он не мог подпоясаться и прийти к живым.

Выявить многообразие и поливариатизм явлений сакрализованной деструкции, а также символизм различных предметов, используемых населением Верхнего Приобья эпохи раннего железа во время погребальных ритуалов – задача будущих исследований.

Список литературы

Азбелев П. П. Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. № 1–2 (13–14). С. 29–49.

Боброва А. И., Яковлев Я. А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 61–89.

Бодрова А. Ш. Семантика погребальной одежды народов Сибири в контексте мифологических представлений // Сибирский сборник-1:

Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 1. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 33–39.

Бурнаков В. А. К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга 2. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 126–136.

Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. 2011. Вып. 3. С. 315–325.

Воробьева С. Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2010. № 10. С. 56–63.

Гмыря Л. Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV – V вв.) // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 194–229.

Головченко Н. Н. Некоторые результаты предварительного технико-технологического анализа образцов тканей из некрополей Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2017. Т. 16. №3. С. 55–61.

Головченко Н. Н. Исследование и некоторые вопросы интерпретации фрагментов текстиля из кургана 15 некрополя Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 61–68.

Головченко Н. Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 25 с.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // Археология СССР. САИ. Вып. Д4–7. М.: Наука, 1980. 67 с.

Ермолова Н. В. Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 170–302.

Корнишина Г. А. Знаково-символические функции одежды в похоронно-поминальной обрядности финно-угорских народов Урало-Поволжья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 157–162.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы) // Археологические изыскания. Вып. 7. СПб: Изд-во ИИМК, 1992. 94 с.

Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул: Изд-во ИП Колмогоров И.А., 2020. 304 с.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: изд-во НГУ, 1993. 182 с.

Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха 1 и 2 по раскопкам 1979 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1982. С. 69–93.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. № 2. С. 179–185.

Могильников В. А., Уманский А. П. Предметы поясного набора с зооморфным декором из Новотроицких курганов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. 1997. Вып. 8. С. 119–124.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1997. 195 с.

Могильников В. А., Уманский А. П. Новотроицкое I, курган 15 и хронология некоторых вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: сборник статей к 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора А.П. Уманского. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1999. С. 91–110.

Молодин В. И., Воевода М. И., Чикишева Т. А., Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии и генетики). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 286 с.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 126 с.

Попов А. А. Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 31–43.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 402 с.

Рыкун М. П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 75–82.

Савинов Д. Г. Об одной традиции в искусстве звериного стиля (К вопросу о местном компоненте) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1984. С. 135–137.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Археология, антропология и этнография Сибири (сборник памяти А. Р. Кима). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 154–162.

Уманский А. П., Телегин А. Н. Аварийные исследования могильника Масляха-2 // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 96–99.

Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 340 с.

Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

References

Azbelev P. P. Tashtytskii poyas. *Drevnosti Sibiri i Central'noj Azii*, 2009, № 1–2 (13–14), pp. 29–49. (in Russ).

Bobrova A. I., Yakovlev Ya. A. K voprosu o roli i znachenii pogrebal'nogo inventarya pozdnesrednevekovogo naseleniya Narymskogo Priob'ya: poyas. *Kuzneczkaya starina*. Novokuzneczk, 1994, No. 2, pp. 61–89. (in Russ).

Bodrova A. Sh. Semantika pogrebal'noi odezhdy narodov Sibiri v kontekste mifologicheskikh predstavlenii. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kniga I.* St. Petersburg, MAE RAN, 2009, pp. 33–39. (in Russ).

Burnakov V. A. K voprosu o pokhoronnoi obryadnosti u khakasov. In: *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kniga 2.* St. Petersburg, MAE RAN, 2009, pp. 126–136. (in Russ).

Chlenova N. L. Pamyatniki koncza epokhi bronzy Zapadnoi Sibiri. Moscow: Nauka, 1994, 170 p. (in Russ).

Chugunov K. V., Parcinger G., Nagler A. Czarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, 500 p. (in Russ).

Devlet M. A. Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n. e'. – I v. n. e'. *Arkheologiya SSSR, SAI.* Moscow: Nauka, 1980, No. D4–7, 67 p. (in Russ).

Dobzhanskii V. N. Nabornye poyasa kochevnikov Azii. Novosibirsk: NSU Publ., 1990, 164 p. (in Russ).

Ermolova N. V. Poyasa u narodov Severnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka. In: *Ukrasheniya narodov Sibiri.* St. Petersburg, MAE RAN, 2006, pp. 170–302. (in Russ).

Gmyrya L. B. Namerennoe iskazhenie ubora zhenskogo kostyuma v pogrebal'noi praktike kochevnikov Zapadnogo Prikaspiya (po materialam Palasa-syrtskogo kurgannogo mogil'nika IV–V vv.). In: *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki. Zimovniki: Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei,* 2015, pp. 194–229. (in Russ).

Golovchenko N. N. Research and some issues of interpretation of fragments of textiles from the mound 15 of the necropolis of Novotroitskoye-1. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii,* 2018, No 2 (41), pp. 61–68. (in Russ)

Golovchenko N. N. On Results of the Preliminary Technical and Technological Analysis of Tissue Samples from the Necropolis of the Upper Ob Dated Early Iron Age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* 2017, Vol. 16, No 3: Series: History and Philology, pp. 55–61. (in Russ).

Golovchenko N. N. Predmetnyi kompleks odezhdy naseleniya Verkhneobskogo bassejna epokhi rannego zheleza: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2019, 25 p. (in Russ).

Grach A. D. Drevnie kochevniki v centre Azii. Moscow: Nauka, 1980, 256 p. (in Russ).

Khudyakov I. A. Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga. Leningrad: Nauka, 1969, 340 p. (in Russ).

Kornishina G. A. Sign-Symbolic Function of Clothing in the Funeral Rites of Finno-Ugric Peoples of Ural-Volga Region. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, 2017, No 4 (49), pp. 157–162. (in Russ).

Kubarev V. D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russ).

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka, 1987, 300 p. (in Russ).

Kurochkin G. N. Bogatye kurgany skifskoi znati na yuge Sibiri (Bol'shoi Novoselovskii i Bol'shoi Poltavovskii kurgany). *Arkheologicheskie izyskaniya*, St. Petersburg, IIMK Publ., 1992, No. 7, 94 p. (in Russ).

Likhacheva O. S. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.). Barnaul: IP Kolmogorov I.A. Publ., 2020, 304 p. (in Russ).

Matveev A. V. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e. Novosibirsk: NSU Publ., 1993, 182 p. (in Russ).

Matyushhenko V. I., Tataurova L. V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e. Novosibirsk: Nauka, 1997, 198 p. (in Russ).

Mogilnikov V. A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroj polovine I tysyacheletiya do n.e. Moscow: Nauka, 1997, 195 p. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Kujbyshev A. V. Kurgany «Kamen'-II» (Verkhnee Priob'e) po raskopkam 1976 g. *Sovetskaya arxeologiya*, 1982, No 2, pp. 179–185. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Umanskii A. P. Kurgany Maslyaxa 1 i 2 po raskopkam 1979 g. In: *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoi Sibiri epokhi metal-la*. Barnaul: AltSU Publ., 1982, pp. 69–93. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Umanskii A. P. Novotroiczkoe I, kurgan 15 i khronologiya nekotorykh veshhei Yuzhnoi Sibiri serediny – tret'ej chetverti I tysyacheletiya do n.e. In: *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoi Sibiri: sbornik statei k 75-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora A. P. Umanskogo*. Barnaul: BGPI Publ., 1999, pp. 91–110. (in Russ).

Mogilnikov V. A., Umanskii A. P. Predmety poyasnogo nabora s zoomorfnyim dekorom iz Novotroiczkikh kurganov. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraya: materialy nauchno-prakticheskoi konferencii*, 1997, No. 8, pp. 119–124. (in Russ).

Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Polosmak N.V., Shulgina E.O., Nefedova M.V., Kulikov I.V., Damba L.D., Gubina M.A., Kobzev V.F. Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleznogo veka kak etnokul'turnyi fenomen: proiskhozhdenie,

genesis, istoricheskie sud'by (po dannym arxeologii, antropologii i genetiki). Novosibirsk: SB RAS Publ., 2003, 286 p. (in Russ).

Novik E. S. Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt сопоставления структур. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004, 304 p. (in Russ).

Polosmak N. V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 126 p. (in Russ).

Popov A. A. Dusha i smert' po vozzreniyam nganasanov. In: Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa, Leningrad: Nauka, 1976, pp. 31–43. (in Russ).

Rudenko S. I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow, Leningrad: Nauka, 1953, 402 p. (in Russ).

Rykun M. P. K antropologii naseleniya lesostepnogo Altaya v epokhu rannego zheleza (po materialam mogil'nikov Maslyakha 1, 2). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 1997, No 1, pp. 75–82. (in Russ).

Savinov D. G. Ob odnoi tradicii v iskusstve zverinogo stilya (K voprosu o mestnom komponente). In: Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiya. Novosibirsk: Nauka, 1984, pp. 135–137. (in Russ).

Shulga P. I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a. Barnaul: AltSU Publ., 2003, 204 p. (in Russ).

Shulga P. I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altae. Ch. I: Ranneskifskoe vremya. Barnaul: Azbuka, 2008, 276 p. (in Russ).

Shulga P. I., Umanskii A. P., Mogil'nikov V. A. Novotroiczkii nekropol'. Barnaul: AltSU Publ., 2009, 329 p. (in Russ).

Troiczkaya T. N. Mestnye poyasa naseleniya verkhneobskoi kul'tury. In: Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri (sbornik pamyati A.R. Kima). Barnaul: Izd-vo AltGU, 1996, pp. 154–162. (in Russ).

Troiczkaya T. N., Borodovskii A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russ).

Umanskii A. P., Telegin A. N. Avarijnye issledovaniya mogil'nika Maslyakha-2. In: Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya. Barnaul: AltSU Publ., 1990, pp. 96–99. (in Russ).

Varfolomeev V. V. Tasmolinskoe pogrebenie s nabornym poyasom iz mogil'nika Tegiszhol. *Voprosy arheologii Kazahstana*, 2011, No. 3, pp. 315–325. (in Russ).

Vorobieva S. L. Poyasnye nakladki s izobrazheniem grifona: k voprosu o proiskhozhdenii i vremeni poyavleniya v lesostepi Priural'ya. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 2010, No 10, pp. 56–63. (in Russ).

Материал поступил в редакцию
Received
08.08.2020

Информация об авторе / About the author

Головченко Николай Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул, ул. Молодежная 55, 656031, Россия)

Nikolay Nikolayevich Golovchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of National History, Altai State Pedagogical University (55 Molodezhnaya st., Barnaul 656031, Russia),

nikolai.golowchenko@yandex.ru

+7-913-093-48-14

ORCID 0000-0002-1498-0367